

Шкаратан О.И.
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО
И ЕГО ВОСПРОИЗВОДСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. —
М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2009. — 560 с.

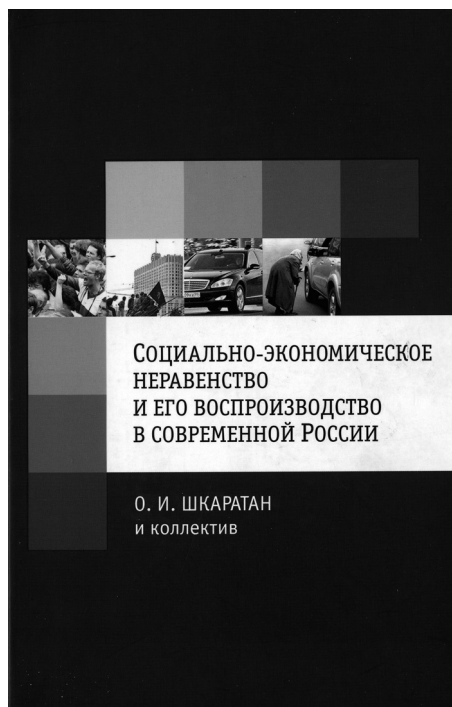
Головляница Е.Б., магистр социологии, научный сотрудник Независимого института социальной политики

Монография обобщает многолетний опыт исследований авторского коллектива под руководством д.и.н., профессора ГУ-ВШЭ О.И. Шкаратана, одного из авторитетнейших российских обществоведов. В книге представлена целостная картина становления системы социального неравенства в российской обществе, прослежена взаимосвязь основополагающих параметров социальной структуры и тенденций развития экономики страны, а также государственной социальной политики. Соответствуя всем канонам академического исследования, книга тем не менее написана легко и адресована широкому кругу читателей.

В числе основных достоинств монографии — сочетание проработанной концепции социального неравенства, солидной эмпирической базы, адекватных современных методов анализа данных и содержательных, во многом нетривиальных выводов. Рассмотрим каждый из этих моментов подробнее.

Первые пять глав монографии посвящены развитию *теоретической схемы исследования*.

Концептуальный базис монографии образуют общепризнанные в мировой практике стратификационных исследований подходы: модель господства Э. Райта, концепция классов как совокупности институционализированных профессий Д. Груски, классовая схема Д. Голдторпа. Однако предлагается не просто оче-

редная масштабная локализация западных конструктов на российской почве, а *самостоятельная концепция эволюции социальной структуры российского общества*. Важнейшим отличием российской стратификационной системы от обществ западных стран выступает тот факт, что в России социально-профессиональная ось неравенства не является доминирующей. *Основная ось неравенства лежит в плоскости властных полномочий и, в меньшей степени, владения крупной собственностью*, преимущественно полученной в ходе приватизации начала 1990-х гг.

Появление этих отличий детерминировано всем ходом российской истории. Собственно, книга начинается как раз с рассмотрения факторов, определивших «выпадение» России из рядов развитых стран с доминирующей классовой структурой (глава 1). В главе 2 авторы показывают, что *текущая ситуация — это не внезапно возникшая в 1991 г. данность, а итог трансформации общественной структуры советского и досоветского периодов*. Главы 3 и 4 дают подробную характеристику стратификационной системы российского общества в советский период.

Существующая в настоящее время социально-экономическая система определена (глава 5) как *неоэтакратизм*, в основе которого лежит *особый тип собственности: не произведенной, как в «типичной» капиталистической экономике, а присвоенной*. На первом этапе оформления неоэтакратизма (конец 1980-х — первая половина 1990-х гг.) на основе бывшей советской номенклатуры возник слой крупных собственников, воспользовавшихся возможностями проводившейся форсированной приватизации. Второй этап (вторая половина 1990-х гг.) характеризуется, в терминах А.А. Яковлева, неформальной приватизацией власти в интересах бизнеса. Наконец, на завершающем этапе (2000-е гг.) произошел обратный процесс: теперь уже государственные ведомства подчинили бизнес своим интересам. Однако на всех этапах трансформации связка «власть—собственность» оставалась неизменным стержнем экономического и общественного устройства.

Модернизационные усилия постперестроечного периода изменили формы социальных отношений, однако их содержание во многом осталось прежним. *По мнению авторов, в 2000-х гг. произошел окончательный откат к традиционному для советско-*

го общества этакратизму, его реставрация.

На наш взгляд, стремление проследить историческую преемственность общественного развития — одна из наиболее сильных сторон монографии. Слишком многие российские работы по теме социальной стратификации грешат сиюминутностью выводов, оценивая только моментальный срез ситуации на момент проведения исследования.

Теперь посмотрим на *эмпирическую базу монографии*. Значительная часть стратификационных исследований проводится либо на основе вторичного анализа материалов крупных обследований (что обуславливает необходимость приспособляться к имеющимся индикаторам, порой жертвуя точностью операционализации теоретических конструкторов), либо опирается на данные небольших обследований (небольшие репрезентативные выборки позволяют работать лишь с самыми крупными общностями и довольствоваться весьма узким набором характеристик).

В этом отношении монография выгодно выделяется из числа прочих: в ее основу легли материалы трех повторных опросов экономически активного населения России, проведенных под руководством О.И. Шкаратана в 1994, 2002 и 2006 гг.; в дополнение использованы материалы глубинных интервью. Во всех трех обследованиях реализована одна и та же схема выборки, обеспечивающая репрезентативность данных на федеральном уровне, и использован сопоставимый инструментарий. Объем выборки в каждом обследовании составил около 2500 респондентов, что дает возможность использования современных количественных методов анализа данных.

Наличие первичных данных позволило авторам адаптировать инструментарий под свои задачи

и тем самым успешно разрешить ряд традиционно «болезненных» вопросов стратификационных исследований. Особенно впечатляет тщательность методической работы по классификации занятий: вместо того чтобы ограничиться привычными статистическими категориями, авторы разработали методику перехода к ряду социально-профессиональных шкал (наиболее детализированная шкала включает 100 рабочих категорий), открывающих широкие возможности по решению исследовательских задач. Кроме того, в работе широко использованы составные индикаторы социально-экономических характеристик респондента и его домохозяйства, также рассчитанные по сопоставимой методике для каждого из трех опросов.

В монографии применена оригинальная *методика выделения единиц социальной структуры* (главы 6, 7). Заявленная *цель классификации заключается в выделении «реальных групп»*. Сама по себе постановка вопроса не нова. Таковы, например, марксистские «классы-для-себя», осознавшие свои интересы и способные к коллективному действию, или, в интеракционистском подходе (П. Блау), группы, члены которых взаимодействуют друг с другом чаще и интенсивнее, чем с членами прочих групп.

Однако в данной монографии *под реальными группами подразумеваются всего лишь общности, однородные по наиболее социально значимым параметрам*. Подобная трактовка весьма неожиданна: ведь, строго говоря, гомогенные группы суть подмножество номинальных групп, возникающее за счет усиления требований к однородности характеристик.

Свой выбор авторы обосновывают тем, что в условиях незавершенности процесса трансформации

социальной структуры свойствами реальной группы обладают далеко не все — и более того, очень немногие — социальные субъекты. Например, в советский период единственной реальной социальной группой оказалась номенклатура, способная к осознанию и защите своих интересов. В современном российском обществе большая часть групп находится в процессе становления. На эмпирическом уровне это выражается в малочисленности их ядер (совокупности индивидов с наиболее выраженными признаками группы) и значительном пересечении периферий. Соответственно, искомые гомогенные группы являются наибольшим приближением к истинным «реальным группам», которые, возможно, впоследствии выкристаллизуются на их основе.

Использованная методика не предполагает предварительных допущений о виде искомой социальной структуры. Тем не менее критерии классификации заданы априорно и включают 33 признака, раскрывающие наличие у индивида основных социально значимых ресурсов: экономические, человеческие, властные, ценностно-мотивационные, социальные, культурные ресурсы, присваиваемые и используемые материальные ресурсы, социально-экономическая среда и гендер.

Выделение наиболее значимых признаков доверено компьютеру и реализовано с помощью процедуры энтропийного анализа. В итоге получены 10 подпространств (сочетаний по три признака), которые в наибольшей степени дифференцируют выборочную совокупность¹. Уже на этом этапе были получены важные содержательные результаты: в современном российском обществе неравенство преимущественно опре-

¹ На первом месте — сочетание «владение предприятием, владение ценными бумагами, основной источник дохода».

деляется отношением к собственности и объемом располагаемой власти, тогда как признаки, характеризующие уровень образования и профессиональную принадлежность, а также личностные качества индивида, вообще не вошли в число значимых. Это позволило сделать ключевой вывод о формировании специфической системы стратификации, сочетающей доминирующую иерархическую составляющую (ось «власть—собственность») и дополняющую ее систему социально-профессиональных различий, возникающих на рынке труда. Дуальность стратификационной системы рассматривается как свидетельство незавершенного перехода от присущей советскому и досоветскому периодам иерархической социальной структуры к типичной для современных развитых стран классовой, для которой ключевыми являются различия в позиции индивида в сфере занятости.

Наконец, на последнем этапе процедуры классификации путем логического анализа (т.е. на основе экспертных оценок) было выделено 6 групп, однородных в наиболее дифференцирующем выборе подпространстве признаков «власть—собственность»: 1) собственники-бизнесмены, 2) менеджеры-миноритарии, 3) мелкие собственники и самозанятые, 4) менеджеры-несобственники, 5) исполнители-миноритарии, 6) исполнители-несобственники. Именно на основе этой классификации авторы выстраивают картину социальной структуры России: группа крупных и средних собственников образует *высшие средние и высшие слои* (4% экономически активного населения), группы 2–5 обладают средним уровнем властных полномочий и степенью владения собственностью и относятся к *средним слоям* (22%). Наконец, исполнители-несобственники составляют большинство среди экономически активного населения

(74%). Они не располагают властными полномочиями, почти не имеют собственности и относятся к *промежуточному и низшему слоям*.

Отметим, что выбор «безгипотезного» метода построения социальных групп не совсем понятен в свете столь серьезной теоретической фундаментированности первой части работы. Тем не менее разработанная авторами методика достаточно интересна и, несомненно, вносит необходимое разнообразие в набор исследовательских инструментов российских социологов.

Основные результаты. Представив методику, авторы переходят к изложению результатов эмпирических исследований положений социальных низов (глава 8), высших слоев (глава 9) и средних слоев (глава 10). К сожалению, на этом этапе авторы почти не обращаются к описанной выше классификации, а используют данные других проектов, что несколько затрудняет восприятие. Далее, в главе 11, авторы вновь возвращаются к реальным социальным группам и прослеживают динамику их численности в 1994–2006 гг.

Наибольшее же внимание уделено проблематике средних слоев — пресловутого российского среднего класса и преимущественно подгруппе «нового» среднего класса, объединяющей высококвалифицированных профессионалов и управленцев. В частности, авторы обращаются к введенному М. Кастельсом понятию «информационных производителей» — работников, обладающих особо ценными для хозяйства и общества знаниями и навыкам, готовностью к постоянному повышению квалификации, самостоятельным в постановке задач, способных к инновациям. По сравнению с «традиционными» профессионалами они более рациональны, руководствуются личными, а не общественными интересами и не склонны ориентироваться на нематериальные стиму-

лы. Именно эта группа профессионалов выдвинута на роль ядра «нового» среднего класса в России. Впрочем, по мнению авторов, заявлять о формировании стабильной группы занятых, обладающих всеми перечисленными признаками, пока преждевременно, и эта тема требует дополнительного изучения.

Наконец, в главе 11 после теоретического введения в концепцию социального воспроизводства (О.И. Шкаратан) рассматривается *роль институциональных факторов в воспроизводстве социально-профессиональных групп в разрезе межпоколенных и внутривнутрипоколенных перемещений*. Ключевыми институциональными факторами, ответственными за воспроизводство социально-профессиональных позиций, выступают семья, система образования и региональная специфика.

Выявлены следующие тенденции в изменении социально-профессиональной структуры. Для группы профессионалов характерно суженное межпоколенное воспроизводство, лишь к 2006 г. можно говорить о стабилизации численности этой группы и даже некотором приросте в молодых когортах. Напротив, группу работников квалифицированного физического труда отличает расширенное воспроизводство. Бурный рост сферы обслуживания в благополучных 2000-х гг. нашел отражение в быстром расширении доли технических работников, занятых в этой сфере. Четких тенденций применительно к прочим группам не обнаружено.

Отмечая общее повышение образовательного уровня респондентов как по сравнению с их родителями, так и относительно ситуации на начало 1990-х гг., авторы тем не менее подчеркивают, что этот рост числа образованных выразился по большей части в увеличении доли лиц с дипломами вузов в промежуточных

профессиональных группах (специалисты средней квалификации и работники сферы торговли, обслуживания). Кроме того, на протяжении 1994–2006 гг. наряду со снижением численности происходило ухудшение качественного состава группы работников интеллектуального труда.

Отдельный интерес представляет приводимый в этой главе *анализ динамики социальных дистанций между основными социально-профессиональными группами*. В данном случае под социальной дистанцией понимается близость социально-профессиональных характеристик ближайшего окружения респондента, т.е. принадлежность к одной и той же нише на рынке труда. Обращение к процедуре многомерного шкалирования позволило проследить изменения в относительных позициях групп, произошедшие за 1994–2006 гг. Для всех лет характерно выделение обособленных «полюсов» — представителей рабочих профессий, с одной стороны, и профессионалов, особенно высококвалифицированных, с другой. Однако *с течением времени различия между профессиональными группами сглаживались*, особенно применительно к представителям «промежуточных» групп (технические работники, самозанятые, руководители низкого уровня, работники со средним специальным образованием).

Итоговая картина взаимного расположения элементов социально-профессиональной структуры описана в терминах четырех относительно устойчивых зон — областей однородных связей: зона рабочего класса, зона промежуточного класса, зона традиционного и зона «нового» среднего класса. При этом важно, что *традиционный средний класс (предприниматели) вступал в трансформационный период обособленной группой, а в 2006 г. существенно приблизился к промежуточным группам. И напротив, «новый» средний класс, состоящий из ме-*

неджеров и профессионалов, кристаллизовался (т.е. сокращались дистанции внутри него) и отдалялся от остальных групп.

Итак, опираясь на внушительный теоретический и эмпирический фундаменты, исследователи постулировали, что в настоящий момент российское общество остановилось в незавершенном переходе от системы стратификации, основанной на месте в структуре государственной власти, к классовой стратификации по позиции в отношениях собственности и в системе общественного разделения труда. Также нет оснований ожидать, что в ближайшем будущем удастся отойти от этого инерционного сценария развития.

Заимствование отдельных элементов технологического и культурно-бытового уклада стран с современной (информационной) экономикой возможно и при сохранении прежних институтов и ценностно-нормативных структур. *Однако для полноценного развития необходимо отыскать в обществе силы, способные реализовывать стратегии, способствующие инновационному развитию. На роль такой группы авторы прочат «новый» средний класс во главе с его передовым отрядом — информационными работниками.* Выяснить, насколько в действительности представители этой группы способны к реализации возложенных на них функций — задача дальнейших исследований.